

ОТВЕТЫ БЫЛОГО ТРЕВОЖАТ ПАМЯТЬ

Нас вывозили из Москвы поздней осенью 41-го. Длинный эшелон из теплушек, набитых малышей, стариками, женщинами. Накануне поезд по какой-то причине не удалось отправить, и мы, оставив вещи прямо на перроне, разошлись по домам. А утром, разобрав никем не тронутые чемоданы и узлы, тронулись в путь.

Притихший, изготавившийся к бою город, казалось, был равнодушен ко всей этой эвакуационной кутерьме. Но ведь ходили же по квартирам милиционеры, требуя отправить детей в тыл. За Урал, Волгу, чтобы развязать руки для борьбы с врагом, уберечь будущее страны - именно мальчишки и девочки тех лет покоряли потом космос, осваивали целину, ходили к Северному и Южному полюсам, бурили нефтеносные скважины в Заполярье и Сибири.

Нас доставили к реке Белой. В глухую, старообрядческую де-

ша повисли синиц, радовались стегавшим по лицу ветвям. Они носились точно замороженные, точно разгулявшиеся без призора малыши. Неужели все это существует, кроме того строгого, сурового мира, в котором они жили долгие месяцы, - спешная по пустынным улицам дорога к заводу среди обшарпанных лихолетьем домов, шум станков, только и заглушаемый по-детски крепким, но коротким сном, и, кажется, никогда не отлетающий запах машинного масла. Духом хлеба ребята не успевали насладиться, хотя и был он самым желанным, - пайка уминалась вмиг.

Но он тогда ни о чем плохом не вспоминал, Коля Чириков. Было осеннее розное утро, чистое и светлое, с голосами, от которых отвыкли ребята. И подхватившись ни свет ни заря, они наслаждались этим утром, будто душистым пирогом, легшим на стол из их снов. Что видели они - одни лишь станки, а тут впервые за годы войны их вывезли на природу - завод взялся помочь подмосковному колхозу

лик женщины и призывный голос в его ушах стоит: «На тебя надежда, сынок, крепись, ты теперь мужчина!» «Все равно, - упрямо повторял, - буду снаряды делать - как там, на фронте, без них отцу с братом»...

- Иди в завком, там пристроят, - посоветовала какая-то женщина, заглянувшая в кадры. Неделю копал ямы для фундамента под станки, а потом его привели к Николаю Ивановичу Вотановскому, который все премудрости токарного дела знал.

О своем житье-бытье на заводе Чириков и написал на фронт Сергею Кузьмичу Тарнову. Письмо вышло суровое,

октябре на 150 процентов. 5 октября он установил рекорд на обработке червяков редутора, дав за смену 3100 процентов нормы».

Заводу поручили спешно изготовить детали для станков, на которых делали мины. «1 мая 1944 года. За период вахты все комсомольцы работали отлично. В цехе № 2 т. Чириков работал, не выходя с завода, 7 смен и выполнил задание досрочно».

...Никогда не забыть мне той минуты. На сцену вышла взволнованная Людмила Зыкина.

- Дорогая Люда, - обратился к ней Чириков. - Ты разреши мне тебя так называть...

больницу. Степан отрывал из скудной карточкой пайки самое лучшее и каждый день приходил к окошечку с надписью: «Прием передач». Узелки, с которыми он являлся, уплывали куда-то внутрь здания, и он подолгу ждал от бабушки записку. Но возвращалась симпатичная, чернявая тетка и неизменно говорила, улыбаясь:

- Не жди ответа, детка! Не жалеет твоя старушка за карандаш братья.

«Что ей, трудно пару слов написать?» - злился на бабушку Степан. Дома его встречал Колюня:

- Бабуску видел?..

- Скоро домой...

Однажды он пришел в больницу и привычно сунул узелок в окошко:

- Глюконовой.

Женщина, принимавшая передачи, была другой. Она долго ползала пальцем по пискам и вдруг сказала:

- Что же ты, сынок, так долго бабушку не навещал? Умерла она, две недели назад умерла.

Степан глядел на нее, ничего не понимая:

- Я же только... Я... Вы еще раз посмотрите, тетя...

- Да что уж тут смотреть-то, роденький мой. Ты не приходи больше, сам хлебушек ешь. - Степан видел, как из ее глаз выкатились две большие слезы. Сам он плакал беззвучно, вздрагивая худенькими плечами...

К горлу все время, пока брел домой, подкатывалось и душило улыбочатое слово чернявой: «Детка, детка...» Наверное, тогда Степан и решил, что никогда и никого не обманет в жизни.

В тринадцать лет, сразу как то повзрослев, пошел на завод. Убирал стружку в цеху, а потом и за станок встал. Особенно чувствовал себя мужиком, когда каждый месяц получал рабочую карточку. И все-таки, как бы ни умаивался, мальчишка в нем брал верх. Его тянуло, особенно летом, на пустыри, где можно погонять тряпичный мяч, на свалки, где много всякой всячины, и, забрав братишку, отправлялся туда.

Для Колюни в этих походах особенно были радостны их обеды на свежем воздухе. Пришед где-нибудь на ящик, Степан разворачивал прихваченные из дому два ломтя черного сырого хлеба, намазанного чем придется. Ели всегда молча, боясь за разговором потерять лишнюю крошку.

И вот в один из таких трапез Степан почувствовал на себе чей-то взгляд. Он вскинул глаза и увидел пленного немца, жадно смотрящего на хлеб со смальцем. (Пленные работали неподалеку под конвоем.) Несколько секунд поколебавшись, Степан отломил кусок от своей порции и направился к человеку в грязно-зеленой шинели:

- Ешьте.

Подошел и Колюня с кусочком недожденного хлеба, протянул его. Если бы они знали, что их отец в это время таял от голода в концентрационном лагере Дахау. Лучшее в его судьбе - удар в живот кованым сапогом. Если бы они знали... После войны Степан скажет вернувшегося из неволи отцу:

- Я все равно давал бы им хлеб.

Не ожесточилось детское сердце, трепетным и отзывчивым к беде осталось оно. А время уже гранило в нем твердость и решительность: если бы не братишка, Степан давно бы отправился в военкомат с просьбой: «Пошлите на фронт». Пленные немцы удивлялись этому с проваленными в синеву глазами мальчишке, который часто распевал на пустыре:

Союз нерушимый
республик свободных...
Владимир ЧЕРТКОВ

Я ЗНАЮ, ЧТО ЗНАЧИТ ОТВАГА

Мой дедушка Павлов Борис Васильевич награжден тремя орденами и медалями за участие в Великой Отечественной войне. Но больше всего он ценит медаль «За отвагу», потому что она - первая.

До войны он жил в селе Воронцово Псковской области недалеко от границы с Латвией. Когда началась война, в районе был организован истребительный батальон для борьбы с немецкими парашютистами, поимки немецких летчиков со сбитых самолетов и помощи нашим сбитым летчикам. Но после того как в район пришли немцы, истребительный батальон превратился в партизанский отряд. Папу моего дедушки назначили командиром, а дедушка остался с ним. В то время ему не было 16 лет.

Шестого июля 1941 года отряд устроил на дороге засаду, в которую попали легковая машина и два мотоцикла с немцами. Здесь и произошло боевое крещение дедушки. Они тогда уничтожили нескольких фашистов, взяли их оружие и сожгли машины.

После небольшого отдыха отряд снова отправили в немецкий тыл, но моего дедушку мама обратно в отряд не пустила. Тогда он поступил добровольцем в 33-ю стрелковую дивизию, которая стояла около озера Селигер. Когда началась битва за Москву, дивизия тоже начала гнать фашистов, и так быстро, что бойцы думали, еще немного - они скоро дойдут до Берлина. Но дивизия прошла всего 150 километров и остановилась перед городом Холм Новгородской области, который взять не смогла.

Дедушка служил в дивизионной разведке, которая совершала рейды за линию фронта. Там они нападали на немецкие штабы или устраивали засады на дорогах, брали пленников.

Однажды рота получила задание взять языка из штаба немецкой дивизии, который располагался в деревне Кокачево. Бойцы перешли линию фронта, подошли к деревне и до вечера из кустов наблюдали, где находятся часовые, в каких домах располагаются немцы.

Когда стемнело, дедушку с его товарищем послали снять часового. Тот ходил вдоль длинного сарая и пытался осветительные ракеты в сторону кустов. Дедушка с бойцом сумели спрятаться за сарай. Немец, насвистывая песенку, подошел к углу сарая, пустил очередную ракету и, закрывшисьолой шинели, начал закуривать сигарету. Тут дедушка бросился на него, накрыв плащ-палаткой, а его товарищ ударил немца ножом. Рота ворвалась в деревню, немцев удалось застигнуть врасплох, и наши разведчики взяли нескольких пленников, среди них немецкого майора. Он был ранен в ногу, пришлось его тащить на носилках из плащ-палатки и жердей, а весил этот майор больше 100 килограммов! Разведчики проклинали свой груз, но все-таки дотащили его до своих.

За участие в этом бою дедушка и наградили медалью «За отвагу».

Наташа ПАВЛОВА,
ученица
10-го класса

Бронзовая фигура красноармейца, шагающего через Одер. Автор Л. Лившиц, художник Б. Висков, скульптор П. Гебеке.

Пленный в Сталинграде фельдмаршал Паулюс говорил: «Немецкие военнопленные каждый день получают сахар, в то время как советские дети не видят его месяцами». Так оно и было. Помню, когда в 1947 году отменили продовольственные карточки, я, мальчишка военного лихолетья, навалился на сладкий чай и хлеб, который тоже обильно посыпал сахарным песком. Это было верхом блаженства.

ОТ СТАНКА, ПОСЛЕДНЕГО ВО ВТОРОМ РЯДУ...

ревью, где раскулаченные мужики ждали немца. Это была совсем другая Россия, живущая по каким-то своим законам.

Помню, несколько эвакуированных семей ютились в просторном доме старика-мельника. Ребятам всегда ждала то время, когда хозяин возвращался из бани и садился у самовара. Чаепитие было долгим. С вареньем и медом, припасенными на года. Малыши беспрерывно сглатывали слюну, видя, как дед ложка за ложкой шумно всасывает сладости в беззубый рот. Иногда он манил кого-то из детворы пальцем, куском отъеденной им шаньги захватывая что попада из блюдец и совал в протянутые руки, шипел: «Ишь, крысятя...»

Даже эти подачки наши матери отработывали по дому. А за картошку мельник требовал пожитки, захваченные с московских квартир, и вскоре почти раздел нас. На скудные пайки, что привозили эвакуированным с далекой узловой станции, в которые тоже запускал руку мельник, было не прожить. Вот и ели склизкую, перегоревшую в ямах картошку - только разве для свиней и пригодную. «Быстрее передохнете, большевикское отродье...» Но были дворы, где и овсяным киселем угощали, и пирожок в карман совали.

Обстоятельства могут очерстить душу, лечь на нее незаживающей раной, но чаще всего дети остаются детьми и им свойственно все быстро забывать.

ЕЩЕ ОДИН ОСКОЛОК ВОЙНЫ

Словно с другой планеты их принесло... Они удивлялись жужжанию шмеля, припадали к стволам берез, замирали, услы-

зу. В тот день мальчишки и девочки вновь обрели свои детские имена - ведь многих из них в цехе величали уважительно по отчеству.

Однажды в цех пришло солдатское письмо с необычной подписью: «Тому, кто работает на станке, что стоит последним во втором ряду».

- Выходит, тебе, - и начальник цеха вручил Чирикову фронтовую весточку.

Писал токарь завода Сергей Кузьмич Тарнов: «Один я теперь остался. Жена и дочка погибли при бомбежке. Дом наш на Таганке был. Сиджу вот в окопе и так побывать захотелось хоть мысленно на нашем заводе. Как вы там, ребята? Хочу послать вам свой привет, пожелать здоровья, сил и успехов в нелегкой вашей работе. Письмо это пишу тому, кто работает на моем станке. Хочу дружить с этим человеком. Кто ты? Откликнись. Напиши мне, пожалуйста. Станок-то ведь старый, и я все беспокорюсь, как он. Тянет ли? Работы-то у вас сейчас много?»

«Кто ты?» Мальчишка со старшей Башиловки... В четырнадцать лет в сорок первом проводил отца, московского строителя, и старшего брата на фронт. Барак, в котором жили, разбомбили фашисты. Недомогающая мать, больной младший братишка. Собрали немудреный скраб и на трамваях добрались до Донского проезда, где им выделили комнатушку. Все заботы о семье свалились на Колю, и отправился он на завод имени Серго Орджоникидзе устраиваться на работу. А ростом не вышел да еще и худющий.

«Кто ты?» Мальчишка со старшей Башиловки... В четырнадцать лет в сорок первом проводил отца, московского строителя, и старшего брата на фронт. Барак, в котором жили, разбомбили фашисты. Недомогающая мать, больной младший братишка. Собрали немудреный скраб и на трамваях добрались до Донского проезда, где им выделили комнатушку. Все заботы о семье свалились на Колю, и отправился он на завод имени Серго Орджоникидзе устраиваться на работу. А ростом не вышел да еще и худющий.

- Ну куда тебе... - обхватило его взглядом в кадрах.

А тот устался в плакат «Родина-мать зовет!», не уходит: чудится ему, будто оживает об-

не пласивое. Поведал, как наладил станок, уже хорошо познав его, как по девять-десять норм порой за смену дает. И завязалась между ними переписка. Последнюю весточку Николай получил из Сталинграда: «Назад не отступим ни шагу. Нет за нами земли, а если и есть, то лишь для того, чтобы лечь в нее. Встали стеной на Волге и не сдвинемся с места». Ценой жизни выполнил свое слово солдат. Глотая слезы, читал Николай обращенные к нему строки: «...Тарнов пал смертью храбрых. Похоронен во дворе механического завода, награжден посмертно орденом Отечественной войны первой степени»...

Подростки заменили на заводах и фабриках старших братьев и отцов, подростки были не просто кормильцами семей, они понимали всю важность забот, возложенных на их плечи. Они работали за двоих, троих... Они пеклись о Родине, фронте и гоняли в короткий отдых тряпичный мяч, приносили в цех кукол. Иной раз, вместо того чтобы соснуть при подвержившей возможности, девочки убаюкивали своих мань, лиз.

Давайте обратимся к выдержкам из газет - настоящим трудовым дневникам Чирикова: «6 ноября 1942 года. Приступая к изготовлению деталей к станкам оборонного значения, т. Чириков взял на себя обязательство работать по-фронтному. Сейчас он обрабатывает 2 шпинделя за 8 часов, в то время как на этой работе раньше квалифицированный токарь давал 1 шпиндель за 11 часов».

«В ночь на 26 марта он обработал 32 шпинделя, выполнив норму на 1300 процентов».

«Лучший стахановец завода Коля Чириков (токарь цеха № 2) обязался выполнить норму в